

Жизнь графа Каспара Штернберга, описанная им самим (Продолжение)¹

К.М. фон Штернберг

1794

Уже в январе герцог Брауншвейгский² отступил к Майнцу, из-за чего генерал Вурмзер³ был вынужден вернуться в Мангейм. Рейнские сословия собрались, чтобы договориться об обороне берега Рейна. Поведение Пруссии при таком положении дел казалось двусмысленным. Эрцгерцог Карл едет через Регенсбург в Нидерланды и после первой стычки будет произведен в фельдмаршалы за храбрость на поле боя; за ним вскоре последовал император Франц. Военное счастье улыбается Клерфэ⁴ и герцогу Йоркскому в Нидерландах; после битвы при Турне (Tournay) австрийская армия переходит через Рейн, и Мёлендорф⁵ побеждает при Макслаутерне. При правительстве Робеспьера в Париже провозглашены Права человечества, истреблены английские и ганноверские пленные, гильотинированы принцесса Елизавета, сестра короля, и многие сотни аристократов. Я провел месяцы с июля по конец сентября в Карлсбаде и вообще в Богемии, отслеживая и наблюдая за переменами военной удачи, не доверяя будущему. В конце кампании пруссаки отступили; часть их армии промаршировала домой, говорили про состоявшиеся переговоры о сепаратном мире, в то время как Англия использовала все возможное, чтобы настроить Австрию на продолжение войны. Француз-

ские армии вновь появились у Майнца и рейнских укреплений Мангейма. В Регенсбурге вторая дочь графа Гёрца вышла замуж за г-на фон Лобеса, по прозвищу Прореха (Schlitz). Я вел свою обычную жизнь, но в сомнениях, должен ли я – при таких столь различно складывающихся обстоятельствах – твердо держаться за свой план и искать успеха на уже выбранном поприще, или избрать другой. Свыше 400 изгнанных из Франции или бежавших от гильотины священников находились в Регенсбурге; собирались и просили милостыню, где только можно, чтобы влачить жалкое существование.

1795

Переговоры в Базеле продолжаются, в апреле объявляется о прусском сепаратном мире, и Польша разделена еще раз.

Это был *поворотный пункт* в моей жизни. До этого я следовал плану подняться в своем сословии до положения духовного князя и епископа. Занятие подобного положения могло бы показаться в Германии желательным и почетным; и оно, если бы не последствия революции, вряд ли прошло бы мимо меня. Но теперь, когда оба могущественнейших властителя Рейха, объединявшие обе религиозные партии и различные политические отношения, отделились друг от друга, совершив тем самым тяжкий проступок в отношении ни в чем не повинной нации⁶, можно было предвидеть, что Германия в столкновении,

¹ Начало см. в: *Lethaea rossica*. – Т. 7. – С. 59–63; Т. 8. – С. 53–61; Т. 9. – С. 68–78.

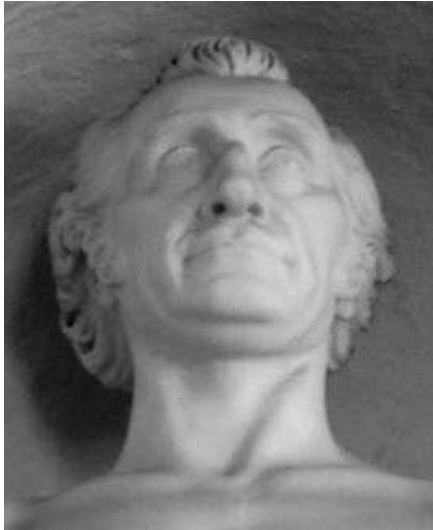
² *Карл Вильгельм Фердинанд, герцог Брауншвейгский* (1735–1806) – полководец, участник Семилетней войны, на которой сражался под знаменами прусского короля Фридриха Великого. В 1792 году возглавил объединенную австро-прусскую армию, направленную на умиротворение революционной Франции (*Ред.*).

³ *Дагобер Зигмунд Вурмзер* (1724–1797) – граф, австрийский генерал-фельдмаршал (*Ред.*).

⁴ *Франсуа-Себастьян-Иозеф Клерфэ* (1733–1798) – австрийский фельдмаршал (*Ред.*).

⁵ *Вихард Иоахим Генрих фон Мёлендорф* (1724–1816) – генерал-фельдмаршал, главнокомандующий прусской армией (*Ред.*).

⁶ Имеются в виду прусский король и австрийский император, фактически контролировавшие германские государства, входившие в состав так называемой «Священной Римской империи» (Рейха, Германии, в терминологии К.М. Штернберга). Эти государства представляли собой множество феодальных владений, управлявшихся духовными и светскими владетелями и князьями. Австрия патронировала католические владения, Пруссия – протестантские. Союз обоих монархов обеспечивал проведение согласованной политики вне зависимости от вероисповедных различий (*Ред.*).

Франсуа Габриэль де Брэ

вызванном внутренним разделением на партии и побуждением извне, безвозвратно потеряна. Революционный дух, который более не ограничивался одной Францией, а распространился также в Италии, в самом Риме и вдоль Рейна, высказался против аристократии и духовенства. И последнее, которое в одиночку не было достаточно сильно, чтобы сопротивляться подобному порыву, должно было смотреть на себя, конечно, как на «козла отпущения». Все перспективы в моем сословии казались мне с той поры очень сомнительными. Хотя я не мог сразу отбросить давно взлелеянные надежды, я все же решился меньше жить ради внешнего и посвятить себя наукам, которые украшают любое сословие и полезны в любых жизненных обстоятельствах. Я только не решил еще, какому предмету должен в основном посвятить себя.

Этот выбор сделал случай. На улице я встретил графа де Брэ⁷, теперь президента Ботанического общества в Регенсбурге и королевского баварского посланника в Вене, тогда остававшегося в Регенсбурге (где он был приставлен к французскому посольству), чтобы дожидаться развития событий. Он вернулся с ботанической экскурсии с профессором Дювалем, с охапкой растений в руках, и уговаривал меня заняться *ботаникой*, это де самая приятная из естественных наук. Профессор Дюваль взял на себя труд давать мне уроки. Я посчитал это знаком Провидения и в следующее воскресенье получил первый урок. Этой учебой я занимался с огромным

рвением. Связал ее с лесоводством, устроил учебные посадки лесных растений в близлежащем так называемом «Вайнтингерском лесу», где со своим егерем сам выращивал все живущие в немецком климате лесные растения, делал частые экскурсии с моими новыми друзьями-ботаниками и снова воспрял духом.

В июле месяце я поехал со своим братом через Мюнхен в графство Верденфельс, где необходимо было восстанавливать заброшенные шахты, для чего мне был важен его совет. С расширившимся интересом я теперь взобрался на местные горы, где получил возможность познакомиться с альпийскими растениями. Отличия гранитных массивов от известковых обрывов также не остались без внимания. На обратном пути мы посетили аббатство Эттал, метеорологический Observatorium на горе Пайсен, Поллинг и т.д., где встретили всевозможных людей науки. Мой брат вез с собой теодолит и секстант, были измерены горы и т.п. Время пролетело в новой для меня деятельной жизни.

17 сентября состоялась помолвка самой старшей дочери барона Диде, Шарлотты, особенно замечательной и очень красивой девушки, с графом Ранцовым из Хольштайна. В продолжение этого года умер в парижской тюрьме маленький Людовик XVII. Военные действия закончились занятием Вайсенбургских позиций генералом Клерфэ.

1796

Какая перемена настроения породила внутри меня мой новый план жизни, лучше всего показывают мои собственные письма, написанные в то время. Они были возвращены мне после смерти моих друзей, которые хранили их; я хочу привести здесь пару отрывков из них.

От 16 января 1796: «Я проверяю себя ежедневно, чтобы точно знать, как я буду переносить свой земной приговор, даже когда должно выпасть хуже, чем кажется вероятным, и с удовлетворением вижу, что дух мой готов ко всему. Будущее улыбается мне, когда я думаю о нем под спокойным деревенским кровом, где мой деятельный дух найдет много пищи по своей внутренней склонности. Со здоровым телом и разбуженным духом человек и при совершенно изменившихся обстоятельствах остается тем же самым. Добровольно я не оставляю своего словесия, но только силой обстоятельств, с которыми не могу справиться и которые я, однако, принимаю без ропота и сомнений. Самое трудное – борьба с самим собой до подчинения – выдержано. Добровольно следуй за судьбой: если не хочешь следовать, ты должен».

⁷ Франсуа Габриэль граф де Брэ (1765–1832) – французский дипломат и естествоиспытатель, баварский посланник в России, Париже и Вене.

От 6 февраля 1796: «Я надеюсь, тебя ничто не изгонит из твоих четырех стен. Но если когда-нибудь, и до этого, конечно, еще дойдет дело, я построю себе дом и посажу сад, тогда ты, безусловно, приедешь ко мне, поможешь мне поливать цветы и разделишь мое счастье в деревенской глуши? Ты не поверишь, как изучение ботаники, которое меня теперь особенно занимает, богато источниками удовлетворения, которые даже уничтожение столь деятельных людей не может отнять у нашего духа. Смотри! В том, чему учит меня нужда, ко мне стремятся новые радости; я еще верю, что буду счастлив и не испытываю тягосты от будущего».

В этом году мои предчувствия все более оправдывались. Австрийское оружие оказалось несчастливим в Италии и Германии, армия отступала от Рейна к границам Австрии и Богемии, французские войска преследовали ее по пятам. После неудачного сражения у Гейзенфельда Регенсбург заполнился ранеными; эмигранты потянулись внутрь Австрии и Северной Германии. Я отослал свои самые ценные вещи своему брату и сам уехал в Карлсбад, а оттуда в Эгер, где находилась семья Диде. Через несколько дней множество немецких семей со своим добром хлынули внутрь Богемии и принесли новость о том, что французская армия марширует из Нюрнберга в Богемию. Все посетители курорта пришли в возбуждение; я достаю лошадей для семьи Диде и еду со своими в Карлсбад, куда несколько минут спустя прибывает курьер с известием о двух блестящих победах, которые одержал эрцгерцог Карл при Тайнинге и Амберге. Люди успокоились, и мы последовали своим путем в Прагу. Французов вытесняют назад за Рейн. Возвращаясь в Веттерау, семья Диде навещает моего брата; я остаюсь у него. Его минералогическая коллекция изучается теперь с усердием, ставятся гальванические и химические опыты, заключен договор об обмене научными письмами, который еще существует.

Эрцгерцог Карл проводит зимнюю кампанию до января месяца, когда, в конце концов, захватывают Кельн. Регенсбург полон раненых, среди которых много знакомых, майор Штайгентеш и другие.

1797

Лорд Малмсбери⁸, который уже сделал в Италии предложения о мире, развивает в одной беседе с

⁸ Джеймс Харрис, 1-й граф Малмсбери (1746–1820) – английский карьерный дипломат, с 1800 года министр иностранных дел Англии (Ред.).

Делакруа⁹ основные положения *секуляризации*¹⁰, которые позднее претворяются в жизнь в Раштатте¹¹; я обращал внимание на это, однако без успеха. Однако я нашел удовлетворение в том, что занялся своими научными изысканиями. Я в достаточной мере проработал систему Линнея, познакомился с европейскими растениями, был принят в члены Ботанического общества. Гальванизм привлекал внимание, я занимался также и им, даже лечением под руководством д-ра Шеффера. Воздействия на глухих людей были самыми удовлетворительными, но улучшение длилось недолго и сильно возбуждало нервную систему. Об этом была опубликована маленькая статья с предисловием д-ра Шеффера.

Военная кампания в Италии складывается неблагоприятно. Французы занимают Мантую, эрцгерцога Карла направляют в Италию; пруссаки занимают маркграфства Ауспах и Байрейт. В апреле следует мир в Леобене¹², и осенью таковой в Кампо-Формио¹³, за которым последовал конгресс в Раштатте.

Тем временем я предпринял экскурсию через баварские горы в Королевское ущелье (Kaisersklause), о чем был напечатан отчет в Ботанических записках Хоппе¹⁴ (1802). Затем я поехал в Богемию к моему отцу и брату, у которого я снова слушал лекции.

⁹ Шарль-Франсуа Делакруа (1741 – 1805) – французский дипломат, в 1795–1797 годах министр иностранных дел революционной Франции (Ред.).

¹⁰ Имеется в виду отторжение, изъятие или передача церковных земель и иного имущества светским властителям (Ред.).

¹¹ Город в немецкой земле Баден-Вюртемберг, находящийся близ границы с Францией (Ред.).

¹² Старинный город на юго-востоке Австрии, в котором в 1797 году начались мирные переговоры между Австрией и Францией, закончившиеся согласованием предварительных условий (Ред.).

¹³ Деревня в Италии, в которой завершились мирные переговоры между Австрией и Францией, начатые в Леобене. Заключенный между сторонами договор предусматривал, в частности, уступку Австрией Нидерландов, Милана и Мантуи. Взамен Австрия получила принадлежавшие Венеции Далмацию и левый берег Эча с самой Венецией, а Франция – ранее принадлежавшие Венеции владения в Албании и на Ионических островах. В секретных статьях договора Австрия согласилась уступить левый берег Рейна, получив взамен Зальцбург и Баварию. Герцогу Моденскому и другим итальянским феодальным властителям были обещаны вознаграждения. Для переговоров с Германской империей был назначен специальный конгресс, открывшийся 9 декабря 1797 года в Раштатте (Ред.).

¹⁴ «Botanisches Taschenbuch für die Anfänger dieser Wissenschaft und der Apothekerkunst» – журнал Регенсбургского ботанического общества, основанный в 1790 году Д.Х. Хоппе (Ред.).

1798

В январе вся австрийская армия прошла через Баварию, главный штаб – через Регенсбург, где остался полк (Керпена) в качестве гарнизона; добровольческий корпус французских эмигрантов располагался в окрестностях. *Конгресс в Раштатте*, который был созван для переговоров о мире в Рейхе и якобы для поддержания целостности Рейха, касался, собственно говоря, двух пунктов: Франция хотела сохранить левый берег Рейна в качестве границы¹⁵. Светские немецкие герцоги должны были получить вознаграждение за потерю собственности за счет секуляризации духовных владений и собственности свободных сословий Рейха. В начале конгресса некоторые посланники немецких герцогов все же попытались сделать что-то для улучшения положения церкви в Германии. Для этого я вступил в переписку с баварским послом графом Моравики, старым моим знакомым, и коадьютор Майнца Карл Дальберг прибыл на конгресс с той же целью. И все же совсем скоро стало ясно, что здесь главенствовал единственный смысл – поделить голову льва; а потому и Австрия, после того как безуспешно заявила некоторые весьма благонамеренные ноты, постепенно выдвигала свои армии. Пока в Раштатте обменивались нотами и постоянно ожидали Бонапарта, вспыхнули революции в Швейцарии, Риме и Неаполе, а Бонапарт отплыл в Египет. Как закончился конгресс еще помнят все¹⁶.

Я поехал в Прагу, навестить больного отца, а оттуда во Фрайзинг, где хотел в спокойном одиночестве ожидать конца этой трагедии. Однако 2 августа на 86-м году жизни отец мой завершил свой честно пройденный земной путь; мне пришлось ехать к моему брату в Богемию, чтобы привести в порядок наши дела с наследством. Он полностью разделял мои взгляды на роковой характер предстоящих событий и поддержал меня с моим планом. Я вернулся в Регенсбург, и он последовал за мной туда же в ноябре месяце. Мои друзья, в особенности барон Гляйхен, граф Герц и барон Диде, очень заботились о нем, а их дамы наслаждались его прекрасной игрой на гармонии.

¹⁵ Левый берег Рейна был захвачен Францией в 1793–1794 годах. Это составляло десятую часть германских владений, 1200 кв. км территории с 4 млн населения. Уступив указанные территории, Австрия так и не получила, как того хотела, Зальцбург и часть Баварии (*Ред.*).

¹⁶ Конгресс закончился убийством при выезде из Раштатта двух французских уполномоченных и тяжелым ранением еще одного австрийскими гусарами. Возобновилась война между Францией и так называемой Второй коалицией во главе с Австрией (*Ред.*).

Карл Теодор фон Дальберг

В декабре месяце курфюрст Баварии добился папской буллы, в которой ему разрешалось возложить 1500000 флоринов военных налогов на духовные состояния; против чего, однако, выступили тогда еще имевшиеся баварские сословия, и возникли большие трения.

1799

Курфюрст Баварии Карл Теодор умирает. Сколь сильно его любили в Рейнпфальце, считая просвещенным, покровительствовавшим наукам сувереном, столь же мало мог он – при совершенно разных образах жизни – радоваться верности своих баварских подданных всех сословий. Когда же, по обычаю, после смерти суверена закрыли городские ворота, один крестьянин, который как раз собирался проехать в город, узнав причину [выставления] стражи, сказал: «Лучше было бы закрыть ворота, когда он сюда приехал, а теперь слишком поздно!»

20 апреля французы объявили войну, напав одновременно на герцога Шварценберга у Стокаха и внезапно [нападения] оттеснили его назад; но он снова собрал своих людей и захватил прежнюю позицию. 21-го эрцгерцог Карл атаковал французов и разбил наголову. Поход принимает благоприятный оборот, эрцгерцог Карл доходит до Рейна. Русские под [командованием] Суворова удерживали Швейцарию, но генерал Корсаков был разбит, и русские отступили

Александр Васильевич Суворов

на зимние квартиры в Богемии через Аугсбург и Регенсбург. О пребывании Суворова в Регенсбурге я написал (12 декабря 1799) следующее письмо: «Вчера Суворов появился в обществе у герцога Таксиса. Два казака с длинными бородами вступили перед ним в зал, его главный штаб следовал за ним по пятам и сомкнулся вокруг него, как спутники у Сатурна. Он напоминает добропорядочного маленького инвалида с лысой макушкой, а его беспокойные движения – таковы обезьяны. Он был одет в форму императорского австрийского фельдмаршала: звезды, кресты и орденские ленты покрывали его с ног до головы, а большой миниатюрный портрет императора Иосифа, обрамленный бриллиантами, качался на его груди; рукоять и наконечник ножен его шпаги были также покрыты бриллиантами. Он направился прямо к герцогу Таксису и поцеловал вначале орден Золотого руна¹⁷, который тот носил на шее, а затем руку настоятеля собора и соборного управителя. Он ни минуты не оставался спокойным, поговорил с некоторыми мужчинами, которые были ему представлены, и через полчаса уехал на свою главную квартиру, которую разместил в аббатстве Прюфенинг. На следующий день он явился к герцогу на обед. Поскольку он постился, то подавали постные блюда. Он пробовал их с блюда, и то, что ему не

¹⁷ В то время один из высших орденов Австрийской империи (Ред.).

нравилось, бросал обратно и давал попробовать другим офицерам, с которыми вообще не очень церемонился. Во второй половине дня он блеснул музыкой своего хора. Кроме Сикстинской капеллы в Риме я никогда не слышал ничего подобного – это чудо кнута. Слышать подобную слаженность, такой легкий переход от *piano* к *forte* из уст совершенно диких, впервые воспитанных на военной службе людей, в своем роде уникально».

Замкнувшийся в себе и на себе, я принял очень малое участие в изменчивых военных делах и гораздо больше хотел увидеть приближение конца, чтобы выйти из этого беспокойного качания туда-сюда, так как больше не ожидал благоприятного исхода дел. В августе я поехал в Богемию и оставался там до конца октября, [проводя время] частью в небольших загородных поездках, частью с моим братом в ученых занятиях. Зиму я всегда проводил в Регенсбурге со своими друзьями: однако же это была суматошная жизнь, спокойствие, без которого нельзя получить полного удовлетворения, отлетело.

1800

Эрцгерцог Карл должен был оставить армию из-за своего слабого здоровья, с ним ее оставила и военная удача. После многих сражений театр военных действий переместился от Леха к Дунаю. Армия Моро¹⁸ продвинулась до Регенсбурга, который был переполнен австрийскими ранеными, больными, беженцами и канцеляриями, которых трудно было увезти. Регенсбург защищал генерал Кленау¹⁹ с малочисленным корпусом: 14 июля он напал на наступающих французов и отбросил их назад за Аббах. 17-го наступило перемирие в Парсдорфе, по условиям которого граф Кленау вынужден был отступить в Штадт-ам-Хоф²⁰, середина каменного моста была объявлена точкой разделения обеих армий и не захваченный Регенсбург, ключ к переходу через Дунай, сдан врагу. Я не припомню другого столь же общего печального чувства всего населения,

¹⁸ Жан-Виктор-Мари Моро (1763–1813) – выдающийся французский генерал, соперник Наполеона I. В 1800 году назначен Наполеоном командующим Рейнской армией и французскими войсками в Швейцарии. Одержал ряд важных побед над австрийцами, приблизившись к Вене (Ред.).

¹⁹ Иоганн граф фон Кленау, барон фон Яновиц (1758–1819) – австрийский генерал, впоследствии фельдмаршал, участник наполеоновских войн (Ред.).

²⁰ В настоящее время – исторический квартал в левобережной части Регенсбурга. Во времена, о которых пишет К.М. Штернберг – отдельный городок, расположенный на острове Дуная (Ред.).

Жан-Виктор-Мари Моро

кроме того часа, когда авангард корпуса генерала Гренье²¹ входил в Регенсбург. Очень скоро мы почувствовали гнетущее бремя вражеского пребывания и наложенных контрибуций. Чтобы их уменьшить, было решено послать депутацию в Главную квартиру маршала Моро в Аугсбурге, и я, как представитель всех духовных сословий, был назначен в ее состав герцогом-епископом. 29 июля мы отправились в Аугсбург и 3 августа были отпущены со скидкой в 250000 франков. На этой Главной квартире я познал французский дух, опасность для Германии и близкую судьбу духовных сословий, которые описал в особом докладе князю-епископу, как это затем и произошло при роспуске рейхсдепутации. В соответствии со своими убеждениями и планом, я отклонил предложенные мне голоса членов капитула при выборах декана собора (Domdechante), после того как граф Турн стал соборным настоятелем (Dompropst), поблагодарил за оказанное доверие и уехал в Богемию к моему брату. Эрцгерцог Карл находился в Праге, чтобы принять командование Богемским легионом и пойти на врага. Мы ждали его: он сказал нам, что если Моро не перейдет через реку Зальца (Salza), то, конечно, его еще можно будет удержать от дальнейшего вторжения, и дал поручение моему брату занять некоторые позиции, которые он указал, на границе между Богемией и Баварией. Мы вместе поехали в Камб, мой брат занимался своим делом, а я остался у своего друга, барона Фраунберга, в то время управляющего епархиальным округом в Камбе. Поскольку я жил в своем доме в Регенсбурге, пе-

ремирие закончилось и Регенсбург был отрезан, я желал получить немного более точные новости оттуда. Поэтому я поехал в Штадт-ам-Хоф к генералу Кленау, которого хорошо знал, и попытался оттуда проехать на пару часов в Регенсбург. Это мне также вполне удалось при помощи паромы, который ходил каждое утро с острова Оберверд в этот город. Я снабдил своих слуг необходимыми деньгами для дальнейшего содержания дома, повидал графа Турна и хотел снова уехать назад. Однако судно, не знаю по какой причине, было конфисковано. Это привело меня в некоторое замешательство. К счастью генерал Гренье разрешил акушеру ездить каждый день в Штадт-ам-Хоф, поскольку жена генерала Кленау была на сносях; я присоединился к нему в качестве помощника и счастливо переехал через мост, а оттуда снова в Камб, куда вернулся и мой брат. Неповторимое перемирие.

1801

Новые военные налоги были выписаны в Регенсбурге; снова попробовали получить их облегчение, направив депутацию в Главную квартиру в Зальцбурге, и на меня опять пал жребий представлять духовные сословия. 18 января, в сильный мороз, мы выехали; я посетил своего дядю Иоганна Штернберга в Пассау. Армия Моро была более дисциплинированной, чем прочие, но потому не менее угнетающей и проникнутой якобинско-республиканскими идеями, которые сам Моро поощрял, чтобы противопоставить себя деспотизму Бонапарта. Только его естественная праздность во всем, что не касалось военной службы или охоты, его презрение ко всякой другой работе сделали его неспособным играть роль, которую отводил ему его военный талант. Я навсегда запомнил характерные черты его личности, когда был представлен ему в Зальцбурге. Он как раз собирался с ружьем в руках ехать в Хеллебрун, чтобы убить последнего немецкого горного козла, когда я предстал перед ним с пачкой бумаг в руке и сообщил причину нашего приезда. С мрачным видом он посмотрел на бумаги и сказал: «Faudra-t-il que je lis tout cela?»²². Я заверил его, что ему вовсе не нужно ничего читать, разве только если он захочет зачеркнуть или изменить какие-то цифры. Тогда он отправил меня к генерал-квартирмейстру Ляори. Тот был образованным, деловым человеком, который умел с легкостью увиливать и переводить серьезные дела в шутку, не нанося при этом оскорбления. После многодневных бесед и многих хождений

²¹ Поль Гренье (1768 – 1827) – французский генерал, в то время командир корпуса Рейнской армии (Ред.).

²² И я должен все это читать? (фр.).

туда и обратно между Ляори и требующим платежа генералом мы хотя и получили значительную скидку, но то, что осталось уплатить, все еще представляло достаточно тяжелое бремя. Я посетил епископа в Берхтесгадене, чтобы сделать ему устный доклад, и в оттепель вернулся в Регенсбург. А на плохо залатанном мосту у Вилсбибурга я едва не утонул.

Все, что я видел и слышал в этой поездке, утвердило меня в моих намерениях, как можно видеть из письма одной подруге, написанного 11 февраля 1801 года. «Я восхищен тем, что Вы понимаете мой взгляд на секуляризацию. Горе человеку, который лишен смелости возвыситься над происходящим, если ему выпадает век, подобный нашему. Я каждый день вижу тех, кто согнулся под тяжестью горя, поскольку они не имеют ни силы, ни воли идти вместе с духом столетия, который они не поняли. Я нашел силы совершить личную революцию, до того как общая революция смогла меня настичь; теперь она найдет меня подготовленным ко всему. Мое состояние, мои перспективы, мои надежды больше не зависят от этого вывернутого наизнанку мира! Меня влечет к природе; она и естественные науки открывают передо мной безграничное сокровище, для овладения которым жизнь человека слишком коротка, это не зависит от людей, которые, как бы ни старались, не смогли бы поднять поверхность земного шара. Но я хочу покинуть свой пост только с честью, а не оставить его как трус. Меня найдут среди последних бойцов на поле битвы. Уступая властной необходимости, я покину свое сословие без упреков и сожалений. Вот мое признание!»²³

Люневильский мир²⁴ будет заключен, Регенсбург будет свободен от оккупации, Моро очень медленно отступает, делегаты Рейхстага снова собираются вместе. Князь-епископ делегировал и меня от епископства Фрайзинг, каковую миссию я принял на себя, чтобы остаться при делах, связанных с нашим окончательным приговором. Мой верный слуга Ксавер Рихтер, который служил мне 20 лет, умер (26 марта); я поручил воздвигнуть ему памятник на соборном кладбище. Как только наступило некоторое затишье, возобновились занятия ботаникой, гальванизмом и

вместе с майором Хельвигом, который привез с собой выразительный галльский череп, различных чувств²⁵. Я ездил во Фрайзинг и Мюнхен, совершил экскурсию в горы верхней Баварии, затем поехал в Богемию. А в декабре меня (в Регенсбурге) посетил мой брат во время своей поездки в Париж и Лондон.

1802

Регенсбург был выбран для собрания *рейхс-депутации*, которая при гарантиях со стороны России и Франции, в соответствии с основными положениями, утвержденными в Раштаде, должна была определить размер вознаграждения тем светским состояниям, которые рассматривались как пострадавшие из-за уступки французам левого берега Рейна. Собрались посланники всех дворов, город наводнен приезжими, которые хотели не просто получить возмещение убытков, а скорее обогатиться за счет третьих лиц. Французская делегация создала тайное, но всем известное *bureau d'inscription*²⁶ под председательством Матье. Там регистрировались предлагаемые цены на объекты вознаграждения, которые, так сказать, должны были распределяться *plus offerenti*²⁷. Поскольку посланники немецких герцогов и особенно Австрии исходили из принципа минимальной базовой стоимости, все имущество духовных сословий было одновременно выставлено на продажу франками как *res nullius*²⁸. Причину, по которой духовные сословия (которые были такими же законными обладателями своего имущества и титулов в Рейхе, как и светские герцоги) должны были стать единственными жертвами, даже и не искали: басня о волке и ягненке была тем кодексом, которому следовали. Формальности немецкого делопроизводства продолжались слишком долго для французов и тех, кто жаждал вознаграждений; а Россия, которая ничего не могла выиграть или проиграть в этом деле, была равнодушна к его исходу. Уже 4 июля Матье составил проект распределения вознаграждений, и только смерти герцога Майнца и майнцского посланника вызвали задержки; проект был впервые передан 17 августа французским и русским посланниками баронам Хюгелю и Альбини и затем вынесен на рассмотрение. Светские герцоги, чтобы наконец получить свои вознаграждения, и французы, чтобы иметь возмож-

²³ В оригинале письмо на французском языке и цитируется К.М. Штернбергом по-французски (*Ред.*).

²⁴ Мирный договор между державой-победительницей — Францией и Австрией, заключенный 9 февраля 1801 года во французском городе Лювиль. Условия договора предусматривали, в частности, уступку французам Бельгии и левого берега Рейна (*Ред.*).

²⁵ Имеется в виду, очевидно, френологическое изучение чувств по выпуклостям и другим особенностям черепа (*Ред.*).

²⁶ Бюро регистрации (*фр.*).

²⁷ По цене, выше предложенной (*лат.*).

²⁸ Не имеющее никакой цены (*лат.*).

ность быстро заполучить и поделить зарегистрированное в своем бюро, ускорили завершение взятия во временное владение церковных земель и имущества, предназначенных для вознаграждения, которое было назначено на 1 декабря; и в тот же день впервые через барона Альбини была зачитана перед собранием посланников соответствующая франко-русская нота. Злорадное выражение появилось на лицах некоторых присутствовавших посланников; я обратился к ним и сказал: «Я желал бы, чтобы герцогам, которые радуются теперь своему выигрышу, никогда не пришлось пожалеть об этом деле! А тот, кто фактически признает наложение рук на законно приобретенное имущество, расписывается тем самым в своем собственном соучастии!» С этими словами я и все посланники духовных герцогов покинули зал с намерением никогда более в него не возвращаться.

Я не мог оставаться в Регенсбурге, пока работал этот рынок церковного имущества. Летом я предпринял экскурсию в Мюнхен, на Штаренбергское озеро и в Верхнюю Баварию, осенью отправился с моим братом, когда он вернулся из Парижа, по семейным делам в Вену, но нигде не оставался надолго.

При общем дележе и отправлении на пенсию подвергшихся секуляризации совсем забыли о духовных лицах с того берега Рейна. Поэтому когда по поводу пенсий в депутатии появились настоятели соборов Люттиха, Страсбурга etc., возникло смущение. Франция привыкла только брать, а не давать; все герцоги, получившие вознаграждение, получили, по их заверениям, слишком мало. И поскольку те, кто забрал, ничего не хотели отдавать, оставалось действовать лишь методом Криспина²⁹. У вышедших на пен-

сию глав соборов с правого берега Рейна, получивших двойные пребенды, отобрали 10% их пенсий на выплату пенсий настоятелям с левого берега Рейна. Контролирующая субделегация и касса были созданы, и мне было поручено председательство.

1803

О роспуске рейхсдепутации было впервые напечатано в Регенсбурге 12 февраля. Благодаря вовремя розданным сергам с подвеской и шейным лентам с бриллиантами, Регенсбургу досталась лучшая доля, чем ожидалось: соборный капитул и епископство вместе с городом отошли курфюрсту-эрцканцлеру *Карлу Дальбергу*. Как губернатор Эрфурта Дальберг показал себя с лучшей стороны добротой своего сердца и любовью к наукам; он действительно был человеком весьма разумным и с разнообразными познаниями, однако без основательного образования в каком-либо предмете. По характеру он был сангвиником, быстро схватывал, легко верил и надеялся на то, чего желал: но когда за него принимались со стороны чувств, его нетрудно было склонить к другому мнению. Он всегда был благожелателен, чрезмерно добродетелен, предан своим друзьям, не корыстолюбив и либерален в своих действиях, полон сил в несчастье, любезен и рассеян в обществе. Много лет назад я видел его в Вене, потом во Франкфурте, и лишь теперь узнал ближе. Он сблизился со мной, и когда граф Турн подал в отставку с должности президента, Дальберг все же не принял эту отставку в надежде, что его здоровье снова восстановится. Однако освободил его от всех дел и назначил меня вице-президентом Земельного комиссариата – вновь созданного временного учреждения по организации нового государства. Хотя я и принял этот пост, но должен был тут же покинуть Регенсбург, поскольку брат мой опасно заболел. Мой друг, многолетний секретарь миссии Феликс, которого я взял к себе с тех пор, как посвятил себя наукам, чтобы содержать в порядке мою библиотеку и помогать мне вести научные работы и переписку, сопровождал меня в Богемию. Там я пребывал в большой тревоге и печали, пока мой брат, избавившийся от опасности, смог вновь заниматься делами.

После своего возвращения я постарался войти в новые обязанности, при этом сама организация была уже подготовлена. Семья барона Диде, подружески преданная герцогу-примасу, жила, как обычно, в Регенсбурге: только жена Диде, страдавшая уже много лет, была серьезно больна и чрезвычайно слаба. Врачи пришли к мысли послать ее в Италию. Приглашенная сенатором

²⁹ К.М. Штернберг, очевидно, имеет в виду Криспина – фаворита римского императора Домициана, приобретшего дурную славу, в том числе незаконными методами обогащения. Ювенал в своих известных «Сатирах» пишет о нем так:

*<...> Чудовище он, ни одна добродетель
Не искупает пороков его и больного распутства:
Только в разврате он храбр <...>.
Сколько домов он купил и соседних с базаром участков <...>.
Так поступи, как Криспин, – его нравов судом осудили б;
То, что позорно для честных, – для Тития, Сея, – Криспину
Было как будто к лицу: отвратительней всех преступлений
Гнусная личность его...*

Пер. с лат. Д.Недовича и Ф.Петровского. Цит. по: Ювенал. Сатиры. Книга четвертая // Римская сатира. – М.: Худ. лит., 1989. – С. 258, 259.

Реччонико на его виллу в Бассано, семья решила сначала ехать туда. Учитывая состояние больной, я считал долгом сопровождать туда семью; немалую привлекательность для меня представляла и возможность увидеть южную флору. Герцог-примас дал мне разрешение на это.

Мы покинули Регенсбург 22 июля и благополучно добрались до виллы Реччонико. Когда я увидел, что семья хорошо устроилась, и госпожа Диде почувствовала себя немного лучше, я предпринял пешую прогулку в рэтские Альпы и *Sette comuni*³⁰, где собрал множество великолепных растений. По возвращении с гор 11 августа я нашел госпожу Диде уже снова в постели из-за простуды; недуг развивался быстро, силы больной иссякали, и 28 августа она оставила свою неизвестную болезнь, как и своих друзей. Тут я очутился в щекотливом положении; барон Диде и его дочь Луиза были безутешны и нуждались в моей поддержке. А в Бассано не было места для погребения не-католиков, народ и духовенство настаивали на том, что тело должно было быть отвезено в Падую в обитель Эремитани, где был похоронен принц Оранский. Ничего другого не оставалось, как быстро ехать в Падую, найти там место для погребения и доставить туда покойную. Очутившись в Падуе, я обратился к профессору ботаники Бонато, который дружелюбно принял меня и сопровождал к приору эремитанцев. Но здесь выяснилось, что половина монастыря была временно освобождена для военных, и в обходной галерее монастырского двора, где был похоронен принц Оранский, находился склад муки, из-за чего это место стало недоступным, и не было никакой возможности похоронить тело там. Приор, почтенный участливый старец, предложил мне небольшое пустующее место рядом с церковью, где росли кипарис и старая смоковница, при условии, что епископ, которому монастырь недавно был подчинен, не будет возражать, и дал мне в прощальные монаха, чтобы найти епископа. Мы встретили его на улице, где я тут же изложил свою просьбу. Возможно, лишь для того, чтобы продемонстрировать силу епископской юрисдикции, мое прошение было отклонено. Возник спор, подобный таковому между ангелом и дьяволом над телом Моисея. Глубочайшее возмущение придало мне громкое и смелое красноречие, так что вокруг нас собралось много народа, который сверх моих ожиданий целиком высказался против епископа и облегчил мне победу. Тем временем тело было доставлено, могила между кипарисом и смоков-

ницей выкопана, и вечером при свете факелов, в присутствии профессора Бонато и одного нотариуса, засвидетельствовавшего законность похорон, тело было опущено в могилу мной и камердинером умершей и засыпано землей. Я произнес над могилой речь; позднее там был воздвигнут памятник.

Это был он, самый горький день в моей жизни.

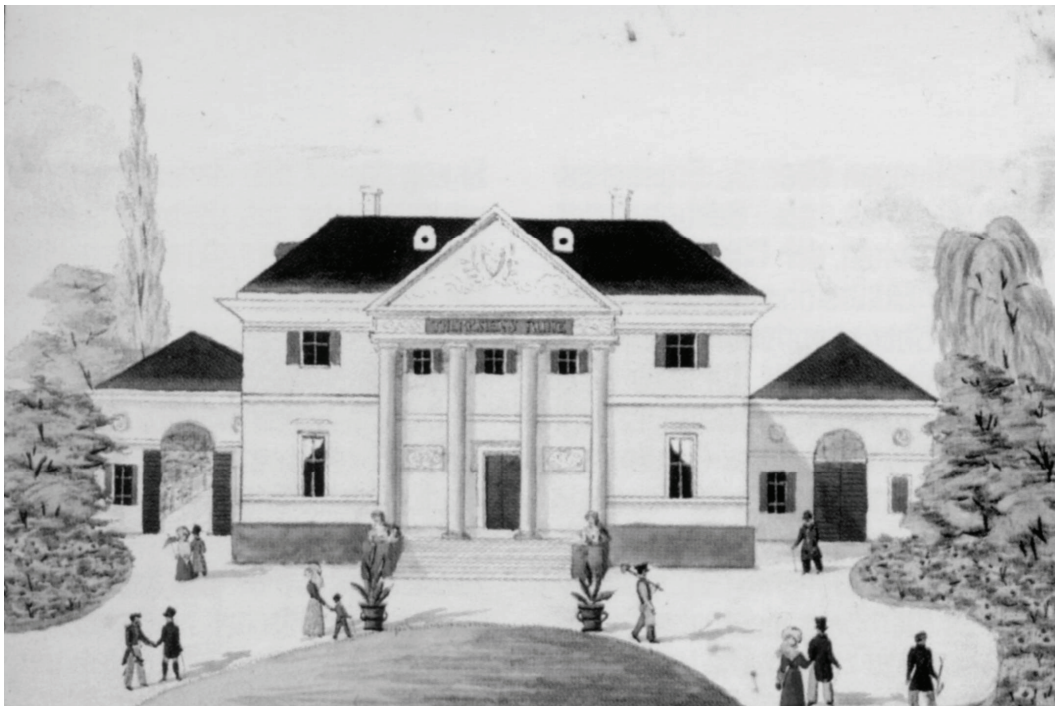
Вернувшись в Бассано, я оставался там три дня со скорбящими. Затем они уехали в свои владения в Ветерау, а я – обратно в Регенсбург, куда прибыл 12 сентября.

Герцог-примас, чтобы развеять мою грусть делами, дал мне поручение разработать новый порядок налогообложения города. 28 ноября новая организация была введена в действие, Земельный комиссариат распущен и разделен на Земельное управление по политическим и административным делам и Высший земельный суд в качестве органа юстиции. Я сохранил председательство в первом и назначил всех других чиновников. Граф Бенцель Штернау получил отдел в кабинете министров, а барон Альбини – Министерство иностранных дел. В Лицее также были сделаны некоторые изменения: создана кафедра ботаники, и ее занял д-р Хоппе; эта дисциплина стала обязательной для семинаристов, для остальных – добровольной. К дню освящения Дуная (zu Donaustauf) были созданы лесное училище и садоводческие школы на местах, под высшим надзором бравого лесного комиссара Ольшлегера. Герцог-примас действительно верил в обещанный Регенсбургу в Рейхсдоговоре постоянный нейтралитет и действовал в соответствии с ним, как будто тот мог продолжаться вечно. Эту веру я не разделял: я не мог убедить себя в том, что Бавария откажется от желания владеть Регенсбургом, которое одновременно стало желанием народа, поскольку Регенсбург действительно являлся государством в государстве. Сомневался я и в том, что в будущей войне Австрия будет уважать этот ключ к Германии (из-за его прочного моста через Дунай). Итак, я оказался в противоречии с самим собой относительно того, насколько далеко я могу зайти при этом новом положении дел, но все же продолжал параллельно свои дела и исследования. Гальваническое общество в Париже избрало меня членом-корреспондентом; однако я никак не использовал это отличие.

1804

Герцог-примас продолжал следить и за украшением Регенсбурга. Он дал указание освободить сад в городе для Ботанического общества и поручил мне переделать его в ботанический сад.

³⁰ Семь общин (*итал.*) – область в Италии (*Ред.*).

Вилла К.М. Штернберга в заложенном им саду (1808)

Находящиеся за пределами города мастерские были снесены и земли проданы под сады. Придворный садовник Боде приехал из Ашаффенбурга в Регенсбург, чтобы начертить планы прогулочных дорожек, а также садов аббатства Прюфенинг, которые приобрел барон Фринтс. Такие действия заразительны. Несмотря на все мои предчувствия и внутреннее убеждение в том, что Регенсбург не устоит, несмотря на беспокойство, которое вызвали по всей Европе арест Моро и Пишегрю³¹, как и варварское убийство герцога Энгиенского³², я все же позволил себе увлечься и купить мастерскую по выделке роговых изделий на снос перед городскими воротами, чтобы заложить на ее месте сад. Я убежден, что Сократ, когда он произнес свое «*homo sum, humani nihil a me alienum puto*»³³, думал прежде всего о человеческом легкомыслии.

³¹ Жан Шарль Пишегрю (1761–1804) – французский генерал и политический деятель. В сентябре 1797 года был уличен в измене и сослан. В 1804 году тайно вернулся в Париж, где был арестован и убит в тюрьме (Ред.).

³² Луи Антуан Бурбон де Конде, герцог Энгиенский (1772–1804) – французский принц крови, кандидат на французский престол в случае реставрации монархии во Франции. В 1804 году похищен и расстрелян по приказу Наполеона (Ред.).

³³ Я человек, ничто человеческое мне не чуждо (лат.).

23 апреля состоялось празднование дня города Регенсбурга. Оно прошло сердечно, с соблюдением порядка и нравственных норм, при общем ликовании, что я редко видел на народных празднествах. 27 апреля я присутствовал на помолвке девицы Луизы Диде с ганноверским старшиной бароном фон Левом. 1 мая герцог-примас выехал в Ашаффенбург, позволил и мне отправиться в Италию, где я должен был кое-что заказать для изготавливаемого в Падуе надгробного памятника. Этой и прошлогодней поездкам я отдал должное в ботаническом смысле в «Поездке в Рэтские Альпы», помещенной в Записках Хоппе, и позднее – в моей «Поездке через Южный Тироль в Северную Италию». После своего возвращения я встретился с графом де Брэ в Ботцене, где мы тут же предприняли ботаническую экскурсию на пашню, которая доставила нам большое удовольствие. Вернувшись в Регенсбург, я занялся созданием своего сада. Я поручил архитектору Сильва из Венеции сделать эскиз с планом для небольшой *Villeggiatura*³⁴. Основание для этого здания было вырыто, и в октябре месяце заложен первый камень в присутствии герцога-примаса, многих моих друзей, а также моей кузины Луизы Штернберг из Праги.

Герцог-примас поехал из Ашаффенбурга к императору Наполеону в Майнц, чтобы получить

³⁴ Вилла в итальянском стиле (итал.).

пополнение своего приданого от Рейн-Октрой (Rhein-Octroi), которое было ему обещано. При этом он высказал свои идеи относительно присоединения соборного капитула Майнца и Регенсбурга к единому капитулу всей митрополии и о единой организации Церкви для всех, говорящих по-немецки. Наполеон утешил его заключаемым в Германии конкордатом и пригласил на свою коронацию в Париж, где он с императорской поддержкой мог бы сам вести переговоры с Папой и кардиналами. Примас, который приобрел большую веру в счастье и мощь Наполеона, был этим очень обрадован и сделал приготовления для своей поездки. В качестве переговорщика в духовных делах он выбрал викарного епископа Колборна, в качестве духовного сопровождающего лица — настоятеля собора Майнца

графа Хатцфельда, меня от Регенсбурга, в качестве светского сопровождающего лица — гофмаршала барона Франкенберга и камергера графа Боши. 12 ноября мы отправились в путь.

Консул Бонапарт, мэтр революции, законный наследник республики, которую он похоронил, сознавая свое превосходство, зашел настолько далеко, что вызвал в Париж самого Папу, для того чтобы тот выполнял обязанности так сказать церемониймейстера, в то время как он сам увенчал себя короной. Церемония коронации прошла с большой пышностью и военным парадом. Эти празднества оставляли поначалу мало времени для переговоров, и кардиналы не очень-то спешили начать их, поскольку немецкое главенство было для них как колючка в глазу.

(Продолжение следует)